

Следующие два года прошли вполне хорошо. Он пересадил несколько четырехсезонных деревьев в поместье Мэнчунь. К лету половина из них уже цвела, а половина приносила плоды. Аранья задумчиво стояла под деревьями. «В змеиной яме тоже было четырехсезонное дерево, - сказала она ему. - Эти фрукты я регулярно ела, когда была маленькой. Я слышала, что в прошлом у змеиной ямы не было этого дерева, но в одночасье оно пустило корни и принесло плоды. Небеса, должно быть, сжалились надо мной». Она попала в ловушку миазмов змеиной формации. Конечно же, она больше не помнила об этом. Ну и ладно, подумал он. Сейчас этого было вполне достаточно.

Частенько она передвигала ротанговую кровать под тень четырехсезонного дерева в лунном свете. Однажды ночью, когда он выходил из стекольной мастерской, в туманной дымке морозного лунного света он увидел ее, лежащую на ротанговой кровати и выглядящую крепко спящей. Большая крона четырехсезонного дерева, словно балдахин, отбрасывала на ее голову легкую тень. Книга стихов выскользнула у нее из рук.

Ему нравилось смотреть на ее спящую фигуру. Ее умиротворенное, мечтательное лицо позволило ему мгновенно забыть обо всех проблемах. Она все еще была рядом с ним.

Белые цветы рассыпались по ротанговому ложу. Он наклонился и долго смотрел на нее, потом взял один из них и воткнул ей в волосы. Он погладил ее висок, на время застыл, потом провел пальцами по ее бровям, носу, губам. В первый раз он тоже подарил ей цветок под четырехсезонным деревом. Это было похоже на то, как если бы он выполнял свою клятву через этот интимный акт. У тебя все еще есть я, Аранья, у тебя есть только я. Через некоторое время он наклонился и поцеловал ее в лоб. Она так и не проснулась.

И все же с того времени всё пошло наперекосяк.

Под предлогом изучения хода изготовления зеркал госпожа Цинхуа приехала в поместье Араньи, чтобы поговорить с ним. В зеркалодувной комнате похожий на маску макияж Цинхуа отражался на осколке двухстороннего зеркала в его руке.

- Каждый день, когда Сянли Цюэ остается на троне, это еще один день, когда ты не можешь вернуться во дворец Цинань. Я не знаю, какие у тебя планы, но я знаю, что ты не хочешь находиться в ловушке. Ты всегда уважал моего покойного мужа, и я ни разу не забыла о мести. Почему бы нам не помочь друг другу достичь наших целей? Если Цзюйно получит трон, я клянусь от ее имени, что императорская семья никогда не оскорбит священный дворец.

Согласно его предыдущей оценке, он мог бы заставить Сянли Цюэ вести войну с храмом, если бы его освободили. Но в этот момент Сянли Цюэ уже не был таким безрассудным, как раньше. Его политика подавления святилища была подобна истреблению термитов. Храм казался прекрасным на поверхности, но он был уверен, что Сянли Цюэ вытеснил большую часть прислужников храма изнутри. В течение последних двух лет домашнего ареста он не был невежественен в делах, связанных с внешним миром. Он ждал, когда Цинхуа придет к нему.

Когда он был молод, Сицзэ часто наставлял его, что дворец Цинань никогда не должен быть

вовлечен в такое унижительное дело, как заключение сделок и участие в дворцовых склоках. Такие вещи были ниже их достоинства. Он полагал, Сицзэ давно ожидал, что однажды они будут вовлечены в такое низменное дело. Поскольку Сицзэ не захотел вмешиваться, он взвалил эту ношу на себя. С помощью Цинхуа Сянли Цюэ определенно умрет. Цинхуа намеревалась помочь Цзюйно взойти на трон, но взойдет ли на трон Цзюйно или наследный принц Сянли Хэ, какая ему разница? Дворец Цинань был просто необходим для того, чтобы Сянли Цюэ умер.

Цинхуа трижды приезжала в поместье, и все это выглядело вполне искренним. Он заранее все спланировал и дал ей парчовый мешочек. Использование яда никогда не было гениальным планом, но он был наиболее подходящим для намерений Цинхуа. Сянли Цюэ был подозрителен по своей природе, поэтому перед этим последним шагом ему предстояло подготовить довольно много обходных путей. Например, какой путь ему следует выбрать, чего следует избегать, кого он может привлечь на свою сторону в правительстве, кого нужно припугнуть, или что произойдет, если некоторые вещи пойдут хорошо, или наоборот плохо. Он выложил на стол толстую стопку бумаг; подобно подсчету фишек, каждое движение должно быть абсолютно точным. Хотя Сянли Цюэ и обожал Цинхуа, он обычно держал ее взаперти, как птицу в клетке. Раньше она не очень хорошо разбиралась в правительстве и политике, но именно он научил ее многим уловкам.

За две ночи до смерти Сянли Цюэ Цинхуа снова пришла в поместье. Он рисовал рамку из ляпис-лазури в комнате для изготовления стекла. Если получится хорошо, из нее можно будет сделать форму. Хотя она была его тетей, Цинхуа почтительно называла его «Ваше Превосходительство», обсуждая с ним ситуацию, связанную с Сянли Цюэ. Она пообещала, что он будет встречен во дворце Цинань сразу же после инцидента. Он держал кисть в руке и сосредоточился на пергаменте.

- Если все пойдет хорошо, мне нужна Аранья.

Цинхуа быстро подняла голову. Он изобразил полное безразличие. «Она посмела навязать мне много вещей, и, конечно, мне придется вернуть ей это сторицей, - он взглянул на Цинхуа и нахмурился. - Или тебе больно оттого, что она все-таки твоя плоть и кровь?» Цинхуа на мгновение замолчала.

- Хорошо, когда все закончится, Аранья будет твоей.

Поскольку он не собирался жениться на Цзюйно, власть храма также не должна была попасть в ее руки. Цинхуа тем более не позволит Аранье получить эту власть. Это был лучший предлог, чтобы благополучно доставить ее обратно в святилище.

Но самой большой ошибкой в его жизни стало то, что он недооценил Цинхуа.

В ночь на 16 июля Сянли Цюэ скончался. 19 июля Чэнь Е был спешно возвращен в храм, чтобы председательствовать на похоронах Сянли Цюэ. Не прошло и трех дней, как в святилище пришло сообщение, что Аранья убила короля и была взята под стражу. В это время в главном зале святилища черная бутылка для жертвоприношений внезапно выскользнула из его руки и

разбилась вдребезги. Цинхуа не сдержала своего обещания. Вопреки его ожиданиям, она продумала всё до мелочей.

Были ли его чувства к Аранье притворством или правдой - этого Цинхуа знать не могла. Она поступила так, опасаясь, что настанет день, когда он случайно проявит какие-то чувства к Аранье и это станет угрожать положению Цзюйно. Цинхуа просто хотела убить Аранью, ведь никогда не считала себя ее матерью. Как он мог не подумать об этом?

Однажды Цинхуа подошла к святилищу и заговорила перед ним так, словно говорила о трудностях, испытываемых матерью. «Твоя ненависть к Аранье так глубока, что мне невольно становится грустно. Она была неправа, держа тебя в плену, но она все еще моя плоть и кровь. Мне невыносимо видеть, как она продолжает страдать. Насколько я понимаю, даже если она совершила серьезную ошибку, ее смерть все равно не сможет избавить тебя от ненависти, не так ли? Если ты сделаешь мне это одолжение, что бы тебе ни понадобилось в будущем, я помогу», - сказав это, она ощутила некоторую резкость, наблюдая за реакцией в его глазах.

Он нахмурился с видимым недовольством.

- В императорской академии есть женщина-ученый по имени Вэнь Тянь. Я не уверен, знаешь ли ты ее. Если ты хочешь загладить свою вину на этот раз, можешь ли ты сделать ее своей крестницей? Когда я был подавлен, она часто бывала рядом. Мы доверяем и любим друг друга. Я хочу сделать ее своей женой.

На лице Цинхуа медленно появилась улыбка. Наконец-то она смогла немного расслабиться.

- Конечно.

Цинхуа позволила Вэнь Тянь составить ему компанию в святилище. Когда они встретились на этот раз, на лице обычно сдержанной женщины появилась редкая улыбка.

- Я знаю, что ты женишься на мне из благодарности, но знаешь ли ты, что человек, который был самым милостивым к тебе, на самом деле был третьей принцессой? Ее Высочество обращалась с тобой так хорошо, что даже я это видела. На этот раз она несправедливо обижена, но ты просто сидишь сложа руки. У меня действительно были чувства к тебе, но сегодня я поняла, что ты больше не тот, кого я любила.

Он не стал ничего объяснять. Именно в такие моменты он не верил никому, кроме самого себя. Если Вэнь Тянь сказала эти слова от чистого сердца, он не смог бы сдержать восхищения. Но если она произнесла их по воле Цинхуа, чтобы испытать его, то ему следовало быть еще более осторожным.

Цинхуа, в конце концов, поверила ему и ослабила свое наблюдение. Кроме того, рядом всегда была Вэнь Тянь. Однажды он воспользовался поездкой Вэнь Тянь на гору за небесной водой и отправился в пещеру Циньи. Пещера Циньи была местом, где собиралась самая божественная

сущность в горе Цинань. Вот уже два года Сицзэ жил в этой пещере в полном одиночестве.

Бескрылые стрелы пронесли сложенное письмо мимо силового поля, окутавшего пещеру. В письме были события, связанные с тюремным заключением Араньи. В тот год Сицзэ отправился в уединение и привел с собой двух магов, чтобы охранять пещеру. Хотя он и доверял Сицзэ, но не доверял двум охраняющим его магам. Поэтому Чэнь Е изменил свой почерк в письме. Сейчас он мог лишь надеяться, что Сицзэ увидит письмо своими глазами и покинет пещеру, чтобы спасти Аранью.

Настали смутные времена, требовавшие большего хладнокровия и тщательного обдумывания. Если Сицзэ удастся спасти Аранью, то через несколько месяцев он спокойно покинет храм и воссоединится с ней. Если Сицзэ не видел этого письма, то единственным выходом было перенести ее казнь в святилище. Тогда у него еще останется небольшой шанс защитить ее и устроить побег.

Цинхуа плела интриги и против него. Если его пощадят, он не позволит ей исполнить свое желание. Поскольку она твердо решила лишить Аранью жизни, он обязательно посадит ее на трон в один прекрасный день.

В этом огромном мире у него никогда не было любимого человека, как и у Араньи. Не важно, что все замыслили против них заговор, пока они были вместе, этого было достаточно.

Первого августа Аранью похитили. В тот же день Сянли Хэ отправился на поле боя. Когда пришло известие, он председательствовал на церемонии благословения армии на террасе Линшу. В последнее время его планы очень часто срывались, но, к счастью, одна вещь, наконец, пошла по правильному пути. Он был прав, доверившись Сицзэ. После похищения Араньи Чэнь Е был помещен под усиленное наблюдение. В конечном счете, Цинхуа продолжала относиться к нему с подозрением. Но, к счастью, Аранья была здорова. То, что она в безопасности, было вполне достаточно.

Хотя он был в святилище во время войны с кланом Сов, ему сообщали кое-что, когда приходили военные донесения. Но среди немногих вещей, которые он знал, ни одна не включала в себя тот факт, что человек, отвечающий за палатку командира в Сы'син, был Араньей, а не Сянли Хэ.

Шестого августа армия была отброшена назад кланом Сов к югу от Сы'Син и потеряла 30 000 солдат.

Он прогулялся вокруг храма и увидел в четырехсезонном саду несколько опавших плодов, которые были склеваны птицами, с несколькими коричневыми семенами. Он собрал эти семена и спрятал их подальше.

Восьмого августа Аранья использовала полукруглый строй, чтобы остановить врага, блокируя клан Сов за рекой без какой-либо возможности отступить.

Он расчистил место во дворе, посеял семена на открытом пространстве, а затем регулярно поливал их небесной водой. На следующий день семена выросли в красивые саженцы.

14 августа клан Сов прорвал полукруглый строй. Аранья прибегла к колдовству вызывания души и сожгла Сы'Син в небесном огне.

Он сменил почву для саженцев. Зеленые почки начали прорастать в последние несколько дней. Там даже расцвел хорошенький цветочек. Он использовал магию, чтобы сохранить его, думая про себя, что он очень ей подходит.

17 августа Аранья погибла в бою. Ее душа превратилась в пепел, распавшись на мелкие-мелкие частицы.

Он задержался в саду; четырехсезонное дерево всё было окружено густыми ветвями. Он взял ножницы и срезал несколько цветков, думая сохранить их, чтобы она могла поставить их в вазу и любоваться ими в будущем.

Ходили слухи, что Сянли Хэ погиб в бою, а Аранью казнили за тяжкое преступление. Даже любимая дочь Сянли Цюэ, Чанди, сошла с ума, узнав о смерти отца. В большой императорской семье осталась только Цзюйно. 19 августа изгнанница Цзюйно была приглашена обратно в имперский город, чтобы унаследовать трон. 20-го числа Цзюйно лично посетила храм, чтобы испросить его благословения. После завершения церемонии она пригласила его прогуляться по саду лотосов.

На лице простой, но самодостаточной девушки в прошлом теперь читалось то, что она пережила много превратностей судьбы. Глядя вдаль на пруд с лотосами, она, наконец, сказала: «Я прожила два года в изгнании. Несмотря на некоторые трудности, я чувствовала, что действительно живу в эти два года. Я смирилась со многими людьми, и смирилась с некоторыми вещами. Среди нас троих Аранья была единственной, кто действительно получил хорошее воспитание. Повзрослев, я так сильно возненавидела ее только потому, что страшно завидовала ее безудержной жизни. Когда она только родилась, я помню, что очень любила ее». Он не знал, что она хотела этим сказать, и ничего не ответил.

«Есть много вещей, о которых моя мать не говорила мне, - сказала Цзюйно секунду спустя, - но глубоко внутри я знаю. Я не думаю, что это правда, что Аранья убила короля». Она посмотрела на него и продолжила: «Кузен, моя мать иногда пугает меня».

Цинхуа прожила всю свою жизнь ради старшей дочери. Коварная тигрица не ест собственных детенышей, но ей было все равно. Она использовала кровь своих младших дочерей, чтобы возвести Цзюйно на трон. И все же, в конце концов, Цзюйно не испытывала ни капли благодарности. Вместо этого она почувствовала, что боится ее. Разве не возмездием это было?

- Ты боишься не ее, а той силы, которой она обладает, - легкомысленно ответил он. Теперь ты королева, и твоя мать не должна больше вмешиваться в государственные дела.

22-го августа был хороший день. Солнце светило не сильно, и время от времени дул легкий ветерок. Эта погода была наиболее подходящей для посещения семьи и друзей. Как будто он специально выбрал такое время, господин Сицзэ пришел навестить его в святилище.

В то время он читал в четырехсезонном саду. Сицзэ вошел через арочный дверной проем и встал рядом с ним. Он выглядел немного подавленным и смиренным, и, решив опустить приветствия, сел напротив него.

- Внешний мир меняется снова и снова, но ты по-прежнему свободен, прячась здесь в уединении.

Он поднял голову и посмотрел на Сицзэ. Затем перевернул еще одну страницу и снова уставился в книгу. «Помнится, ты говорил, что святилище – место духовное. Если это так, то какое отношение мы можем иметь к этим мирским делам? - перевернув еще одну страницу, он добавил: - Аранья, она...»

Сицзэ нахмурился и оборвал его: «Я никогда не сталкивался с любовью, поэтому, естественно, не знаю, о чем вы с Араньей думали. Но раз уж ты задал этот вопрос, значит, она тебе тоже безразлична. Если это так, зачем было подталкивать ее к этому? Конечно, это твое личное дело. Это не мое дело - говорить что-либо постороннему человеку. Путь, который выбрал ты, путь, который выбрала она, - это ваши собственные судьбы». Он вздохнул и продолжил: «Я пришел сюда сегодня только потому, что вспомнил ее желание. У нее дома было двадцать писем. Перед тем как уйти, она попросила меня забрать их обратно».

Как будто Сицзэ ничего и не говорил. Единственное слово, которое вонзилось ему в уши, как длинная игла, было «уйти». Его пальцы застыли на страницах книги, когда он медленно повысил голос: «Перед тем, как уйти? Ты спас ее, а потом отпустил?»

Сицзэ был несколько озадачен, как будто он не совсем понимал, почему ему задали такой вопрос.

Зловещее чувство внезапно овладело его сердцем. Он резко встал и направился к садовой калитке. «Раз уж ты здесь, у тебя должен быть способ помочь мне покинуть это место. Куда бы она ни пошла, если мы сейчас же покинем гору, то все равно сможем ее догнать. Ты этого не знаешь, но у нее много причуд. Когда я оставляю ее одну на улице, это немного беспокоит меня...» - он не был разговорчивым человеком, но боялся, что его прервут. Но, в конце концов, он и сам понял, чего боится. Они с Араньей были только друг у друга. Судьба снова сбилась с пути истинного. Но почему всё пошло не так именно в тот момент? Что, если даже этот единственный шаг был неверным, что, если?..

Как будто внезапно всё поняв, позади заговорил Сицзэ: «Тебе никто не говорил? Чэнь Е, Аранья отправилась на поле боя, чтобы поменяться местами с...» Он прервал его: «Ничего не говори».

Только не говори этого.

Как будто если бы Сицзэ не сказал этого, все, на что он надеялся, еще можно было вернуть.

В саду воцарилась мертвая тишина. Только прохладный ветерок лениво переворачивал страницы, издавая легкие шелестящие звуки.

Он схватился за садовую калитку, лоб его покрылся холодным потом. Он все еще боролся, стараясь выглядеть спокойным, как будто этого было достаточно, чтобы его самые глубокие, саморазрушительные страхи исчезли.

Но неуверенные слова Сицзэ остановили его шаги. «Аранья, она... - последовала небольшая пауза. - Цинхуа показала ей твои записи. Прежде чем отправиться на поле боя в Сы'Син, она сказала, что, возможно, не была предназначена для любви в этой жизни. Ты был тем, за кого она боролась. Даже если то, что у нее было с тобой, было всего лишь иллюзией, ее это вполне устраивало. Она просто не ожидала, что ты так сильно ее возненавидишь. Как бы великодушна она ни была, она не смогла этого вынести. Она сказала, что скоро вернется. Я не знал, что она отправилась в Сы'Син искать своей смерти».

Он говорил с чрезвычайным спокойствием. Каждое его слово вонзалось в сердце Чэнь Е, как острый кинжал. Он знал, что Сицзэ не хотел этого, но ему хотелось, чтобы удары были глубже и болезненнее. Тогда он почувствует, что все еще жив, и у него будет достаточно сил, чтобы опровергнуть слова Сицзэ.

- Аранья не умерла. Я не верю ни единому твоему слову.

Сицзэ некоторое время изучающе смотрел на него, потом понизил голос: «Ты можешь выбирать, верить этому или нет». Он вздохнул: «Цинхуа и Цзюйно узнали об этом только после ее смерти. Поскольку это было связано с борьбой за власть в королевской семье, они скрывали это от придворных. Но я не понимаю, почему они скрывали это от тебя».

Он не знал, как ему удалось издать хоть один звук: «Скажи мне, где она?»

Сицзэ погрузился в долгое молчание. В этой бесконечной тишине он, наконец, понял, что происходит. Молодой маг не хотел верить, но другого выхода у него не было. Но вместо того, чтобы поверить ему, он охотнее поверил бы своим собственным глазам. Наконец, Сицзэ сказал: «Не имея ничего, чем можно было пожертвовать, она высвободила формацию вызывания души. Это пугающее древнее колдовство поглотило ее душу, превратив ее в пепел и дав забвение внутри Сы'Син».

Его тело отчаянно затряслось. Ноги его подкашивались, но шаги, наоборот, ускорились.

В тот день беспомощный архимаг, которого дворцовые шпионы считали слишком тщательно охраняемым, а он на самом деле сыграл с ними шутку, сам вышел из парадной двери. Невероятно раздраженные, они появлялись один за другим, чтобы остановить его. С лицом, напоминающим Асура [1], архимаг был вооружен единственным мечом. В одно мгновение

каждый шпион на его пути был обезглавлен. Из почти сотни шпионов в живых остался только один. Он был спасен, потому что был новеньким, и вечно опаздывал, в том числе и на этот раз. После того как верховный маг удалился, маленький шпион дрожащим голосом вызвал голубя-посланца и привязал к его лапке известие о том, что верховный маг покинул святилище, чтобы доставить его Цинхуа и ее дочери, которые находились далеко на реке Сы'Син. Цинхуа и ее дочь были в Сы'Син согласно традициям Бийняо, чтобы помолиться за погибших солдат.

26 августа скелеты солдат были свалены в кучу рядом с высокой террасой вдоль южного берега реки Сы'Син. Несколько рассеянных по небу облаков тянулись к террасе, где королева устраивала очень большую молитвенную церемонию. Как мог, поспешая последние несколько дней, он прибыл на место происшествия именно сегодня.

Река, которая напоминала нефритовый пояс, извивалась вокруг горы Пинъюнь. В ярком рассвете из-за мелодичных деревьев доносились тихие звуки. Не имея ни еды, ни питья, он спешил в течение последних нескольких дней, и лишь Аранья оставалась в его пустом сознании. Каждый раз, когда он закрывал глаза, его разум заполнялся ее образом. Она была так оживлена, что не позволяла ему поверить в то, что она ушла от него. Но как он мог не поверить в это? Он был не из тех, кто лжет самому себе. Последние несколько дней он провел на облаках. Все мысли вместе с болью покинули его. Он просто хотел добраться до Сы'Син. Он отправился на ее поиски, чтобы она дала ему ответ, чтобы всему пришел конец.

Ему и в голову не приходило сбежать с королевской церемонии. Он просто прогуливался вдоль берега реки, представляя себе то долгое путешествие, которое она пережила в последние минуты своей жизни, тот последний путь, который она прошла. О чем она думала, когда проезжала по этой дороге? Неужели она все еще ненавидела его?

Он подошел к краю воды, где поднималась к небу высокая башня. Знамена и флаги вздымались, как полевые цветы. Под пурпурным балдахином он увидел лицо Цинхуа. В ее глазах мелькнул редкий панический испуг. Он не знал, был ли его внешний вид пугающим или нет. Он только знал, что Цинхуа напряглась и послала вниз какой-то приказ. Затем на него обрушился ливень железных стрел. Он инстинктивно выхватил меч. Клинок остался на берегу реки, его мощное силовое поле держалось крепко. Однако ливень стрел был бесконечен. В конце концов, ему даже пришлось отступить.

Внезапно на берегу реки поднялся порыв ветра. Это звучало так, словно кто-то играл элегию из глубины музыкального леса. Белые музыкальные цветы падали с их ветвей, проходя сквозь острый ливень стрел и приземляясь на чары его меча. Маленький цветок остался на его рукояти, как чистая белая бабочка. Он полетел вниз, и в этот момент перед ним появилась Аранья. Волосы цвета воронова крыла, малиновое платье, легкий намек на улыбку. Она сняла белый цветок с его рукояти и поперекатывала его в руке. Затем она медленно скользнула им по волосам, ее пальцы быстро погладили висок, прежде чем остановиться. Ноющая боль не отпускала. Ему хотелось протянуть руку и схватить ее, но он уцепился лишь за пустоту. Это были всего лишь уцелевшие тени музыкальных деревьев. Пока его разум колебался, железная стрела прошла сквозь чары меча и вонзилась ему в плечо. Мощная сила отбросила его назад на несколько шагов. Кровь из его рта окрасила рукоять в красный цвет.

«Недавно услышав, что в поместье Мэнчунь появился новый гость, я хотела бы

поприветствовать вас».

«Я могу говорить правду, а могу и лгать. Может быть, ты мне действительно нравишься, а может быть, я просто хочу подразнить тебя».

«Я тебе действительно нравлюсь, Чэнь Е».

«Иногда мне кажется, что этого недостаточно. Но иногда я чувствую, что это уже здорово, когда ты такой».

Он терял ее так много раз, но теперь впервые осознал, что на самом деле означает потеря, наблюдая, как ее тень снова исчезает из поля его зрения.

Та девушка. Ты никогда больше ее не увидишь. Ты никогда больше не услышишь ее голоса. Ты никогда больше не сможешь прикоснуться к ней. Она решительно отринула даже возможность реинкарнации. Независимо от того, сколько последует за этим жизнью, независимо от того, кем ты станешь, ты никогда не сможешь встретиться с ней.

Она исчезла, полностью и бесповоротно исчезла.

Огромная боль глубоко внутри пронзила его сердце, распространяясь по телу дюйм за дюймом. Это было запоздалое отчаяние. Он никогда в жизни не испытывал такого отчаяния. Если бы он узнал об этом раньше?.. К чему было его терпение? К чему были все его земные страхи? Зачем он вообще остался в живых?

Налетел шквал, дневной свет с восточного неба мгновенно скрылся за плотными облаками. Меч, который блокировал ливень стрел, внезапно вспыхнул таинственным светом. Летящие стрелы таяли в пустоте, когда встречались с этим светом. Он распространялся мало-помалу, как устрашающе источающая жар горелка, ее пылающий след уничтожал все, что попадалось на глаза. Это была разрушительная сила. Он не знал, с каких пор у него появилась такая сила, он просто знал, что желал похоронить всё вокруг себя. И как только возникло это желание, отступить было невозможно. Он и не собирался.

На высокой террасе в глазах Цинхуа и Цзюйно мелькнули тревожные тени. Он был счастлив видеть их такими беспомощными. Здесь лежала Аранья в вечном покое. Там высились горы, и журчала вода, там цвели цветы и щебетали птицы. Так как она не могла вернуться снова, то быть похороненным здесь вместе с ней будет его концом, а также концом всех остальных.

Туманный таинственный свет распространился по Сы'Син. Бурлящая река тихо поднималась в облаке пара, пока в ее русле не остались только осадочные породы. Цзюйно упала в обморок на высокой церемониальной террасе в нескольких метрах от него. Только Цинхуа все еще пыталась держаться. В этот критический момент из густых облаков на высокой террасе вдруг появилась фигура. Это был Сицзэ Шэньцзюнь. В конце концов, здесь разразилось небывалое бедствие. Бывший верховный маг, который всегда был беззаботен, больше не мог праздно

стоять в стороне.

Бывший архимаг был одет в белое одеяние, его рукава развевались, как у неземного и волшебного существа. На его лице была написана усталость, которую невозможно было скрыть. Он сделал все возможное, чтобы ограничить распространение таинственного света, когда повернулся к нему и сказал: «Это не значит, что нет способа спасти Аранью. Согласно легендам, на Девяти Небесах есть священный артефакт под названием Лампа Сплетения Душ, который может создавать души смертных. Хотя Лампа Сплетения Душ не может быть использована для нас, земных божеств, у нее свой особенный механизм. В соответствии с механикой Лампы, ты можешь создать поддерживающую сущность, чтобы воссоздать другую душу для Араньи. А почему бы и нет? Чэнь Е, ты хочешь быть похороненным здесь вместе с ней из-за сожалений или хочешь увидеть ее снова?»

Таинственный плавающий свет внезапно померк. Слова Сицзэ всё-таки воззвали к остаткам его разума. Он пристально посмотрел прямо на стоящего перед ним мага в белом одеянии и хрипло спросил: «Что мне нужно будет сделать?»

- Ты готов использовать все свои накопленные за жизнь духовные силы, чтобы создать для нее другой мир? - понизив голос, спросил Сицзэ. - Изначально она будет лишь искусственной оболочкой, пока ты терпеливо будешь дожидаться своего часа, чтобы восстановить ее душу и полностью воскресить. Готов ты заплатить за это всей своей жизнью?

Он посмотрел на стоявшего перед ним мага, его лицо было необычайно спокойным.

- Теперь, когда я потерял ее, скажи мне, какую цену я не смогу заплатить?

---

[1] Асура - буддийский полубог с тремя головами и четырьмя-шестью руками, то есть очень страшный на вид.